

УДК 81'373
ББК 81.001.3

Н.В. Изотова

**СМЫСЛОВАЯ
«РАССОГЛАСОВАННОСТЬ»
РЕПЛИК ДИАЛОГА
КАК СПОСОБ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ
В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА**

В статье рассматриваются диалогические структуры, в которых нарушается смысловое единство. Такое «рассогласование» дает возможность показать драматизм внутреннего мира персонажей.

Ключевые слова: диалог, смысловое целое, вертикальный уровень, горизонтальный уровень, психологизм.

Изотова Наталья Валерьяновна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета
Тел.: 8(863) 264-16-38

Мир персонажей прозы А.П. Чехова диалогичен и представлен в том числе общением, в структуре которого есть единицы, отражающие психологическое состояние персонажа во время общения. Такие диалоги позволяют автору показать героев произведения во всей многомерности существования и расширить таким образом объемность мира персонажей в воспринимающем сознании читателя.

Диалог развивается по принципу поступательного движения информации от реплики к реплике, создавая единое смысловое целое. Два субъекта создают одно смысловое пространство, занимая то позицию говорящего, то позицию слушающего. Ю.М. Лотман, как уже отмечалось, обращает внимание на то, что участники диалога попеременно переходят с позиции «передачи» на позицию «приема» и поэтому «передача ведется дискретными порциями с перерывами между ними» [Лотман, с. 193]. Собеседник передает свою информацию, т.е. проводит процесс «передачи» информации, учитывая ту информацию, которую он воспринял во время «приема», т.е. информацию, содержащуюся в «передаче» другого собеседника. Опора на содержание предыдущей реплики – необходимое условие существования диалога.

В диалогах персонажей художественной прозы А.П. Чехова наблюдается смысловое «нарушение» как на вертикальном уровне

развития диалога (на уровне реплик разных собеседников), так и на горизонтальном уровне (на уровне реплики одного собеседника). Такое «нарушение», «рассогласование» имеет свои причины.

Сели обедать.

– *Отличный редис, – заметил профессор. – Где вы такой покупаете?*

– *Он теперь в Одессе... с этой женщиной!* – *ответила Лидия Егоровна.*

– Что-с?

– Ах... Я не о том! Не знаю, где повар берет. Что это со мной?

И Лидия Егоровна, закинув назад голову, захохотала над своей рассеянностью...

Герой-барыня, т. 2, с. 152

В приведенном примере из рассказа «Герой-барыня» смысловая последовательность реплик нарушена репликой Лидии Егоровны. Читателю реплика представлена как ответ на вопрос профессора, что подчеркнуто глаголом ремарки «ответила» и графическим оформлением реплики (расположением ее как реплики следом за предыдущей репликой по нормам графического оформления). Здесь нарушается смысловая последовательность на вертикальном уровне развития диалога. В результате последующего развития диалога (переспроса профессора) профессор получает ответ на свой вопрос (– *Где вы такой покупаете? – Не знаю, где повар берет*). Нарушение смыслового движения информации на вертикальном уровне дает возможность А.П. Чехову показать читателю внутреннее тревожное состояние Лидии Егоровны. Это один из возможных вариантов представления в диалоге психологического состояния персонажа. В этом диалоге внутренняя речь персонажа приобретает речевое выражение. Таким образом А.П. Чехов изображает душевное состояние персонажа, получающее выражение в вербальной форме.

В литературоведении отмечается, что наибольшие возможности для изображения внутреннего мира человека имеет эпический род литературы, в котором развита «весьма совершенная структура психологических форм и приемов» [Есин, 1999, с. 315]. Под психологизмом понимается «освоение и изображение средствами художественной литературы внутреннего мира героя: его мыслей, переживаний, желаний, эмоциональных состояний и т.п., причем изображение, отличающееся подробностью и глубиной» [Есин, 1998, с. 86].

Выделяется три основных формы психологического изображения. Две из трех основных форм теоретически выделены И.В. Страховым: «Основные формы психологического анализа возможно разделить на изображение характеров "изнутри", – то есть путем художественного познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения; на психологический анализ "извне", выражающийся в психологической ин-

терпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления психики» [Страхов, с. 4].

А.Б. Есин называет первую форму психологического изображения, выделенную И.В. Страховым, прямой, а вторую – косвенной, «поскольку в ней мы узнаем о внутреннем мире героя не непосредственно, а через внешние симптомы психологического состояния» [Есин, 1998, с. 86]. Третья форма психологического изображения называется суммарно-обобщающей. Мысли и чувства персонажа сообщаются читателю с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире [Есин, 1998, с. 87].

Смысловую «рассогласованность» реплик в диалоге на вертикальном уровне развития можно отнести к одному из приемов прямой формы психологического изображения, поскольку прозвучавшая реплика представляет внутренние мысли персонажа.

Парень приподнялся, подпрыгнул, сорвал с дерева одно яблоко и подал его девке. Но парню и его девке, как и древним Адаму и Еве, не посчастливилось с этим яблочком. Только что девка откусила кусочек и подала этот кусочек парню, только что они оба почувствовали на языках своих жесткую кислоту, как лица их искривились, потом вытянулись, побледнели... не потому, что яблоко было кисло, а потому, что они увидели перед собою строгую физиономию Трифона Семеновича и злобно ухмыляющуюся рожицу Карпушки.

– Здравствуйте, голубчики! – сказал Трифон Семенович, подходя к ним. – Что, яблочки кушаете? Я, бывает, вам не помешал?

Парень снял шапку и опустил голову. Девка начала рассматривать свой передник.

– Ну, как твое здоровье, Григорий? – обратился Трифон Семенович к парню. – Как живешь-можешь, паренек?

– Я только один, – пробормотал парень, – да и то с земли...

За яблочки, т. 1, с. 41 – 42

Страх как внутреннее состояние персонажа, представленное также в повествовании с помощью описания мимики персонажей до диалога (один из приемов косвенной формы изображения психологического состояния) отражается и в диалоге. На первую реплику-стимул Трифона Семеновича ответа не последовало. Вторая реплика-стимул, обращенная к парню, также осталась без ответа. Реплика парня «*Я только один, да и то с земли...*», введенная автором глаголом «пробормотал», по смыслу связана с одним из вопросов первой реплики-стимула «*Что, яблочки кушаете?*». Реплика-реакция Григория отражает его внутреннее состояние.

В повести «Дуэль» диалог Лаевского с Самойленко развивается сначала по правилам поступательного движения информации.

Когда на другой день утром Самойленко, одетый, по случаю табельного дня, в полную парадную форму с эполетами и орденами, пощупав у Надежды Федоровны пульс и поглядев ей на язык, выходил из спальни, Лаевский, стоявший у порога, спросил его с тревогой:

– Ну, что? Что?

Лицо его выражало страх, крайнее беспокойство и надежду.

– *Успокойся, ничего опасного*, – сказал Самойленко. – *Обыкновенная лихорадка.*

– *Я не о том*, – нетерпеливо поморщился Лаевский. – *Достал денег?*

– *Душа моя, извини*, – зашептал Самойленко, оглядываясь и конфузясь. – *Бога ради, извини!...*

Дуэль, т. 7, с. 405

Первые две реплики диалога Лаевского и Самойленко представляют собой вроде бы единое смысловое целое, чему способствует описанная автором до диалога конситуация, представляющая читателю частно-апперцепционную базу. Последующая реплика Лаевского разрушает представленное уже читателю взаимопонимание персонажей. Диалог отражает разное внутреннее психологическое состояние персонажей: равнодушие Лаевского к Надежде Федоровне, его нетерпимость, неловкость Самойленко в сложившейся обстановке, и подтверждает разные взгляды персонажей на отношение к женщине.

Диалог Коростылева и Ольги Ивановны в конце повести «Попрыгунья» содержит два вопроса Ольги Ивановны, на один из которых Коростелев не отвечает, но косвенно ответ в его реплике присутствует.

Когда в восьмом часу утра Ольга Ивановна, с тяжелой от бессонницы головой, непричесанная, некрасивая и с виноватым выражением, вышла из спальни, мимо нее прошел в переднюю какой-то господин с черной бородой, по-видимому, доктор. Пахло лекарствами. Около двери в кабинет стоял Коростелев и правой рукой крутил левый ус.

– К нему, извините, я вас не пущу, – угрюмо сказал он Ольге Ивановне. – Заразиться можно. Да и к чему вам в сущности. Он все равно в бреду.

– У него настоящий дифтерит? – спросила шепотом Ольга Ивановна.

– Тех, кто на рожон лезет, по-настоящему, под суд отдавать надо, – пробормотал Коростелев, не отвечая на вопрос Ольги Ивановны. – Знаете, отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтеритные пленки. А к чему? Глупо... Так, сдуру...

– Опасно? Очень? – спросила Ольга Ивановна.

– Да, говорят, что форма тяжелая. Надо бы за Шреком послать в сущности.

Попрыгунья, т. 8, с. 27

Развитие диалога движется согласно внутреннему состоянию Коростелева, друга Дымова, осуждавшего Ольгу Ивановну. Он не пускает ее к Дымову и не отвечает на ее первый вопрос, что обозначено в ремарке,

вводящей реплику Дымова после вопроса Ольги Ивановны («пробормотал Коростелв, не отвечая на вопрос Ольги Ивановны»). Коростелев не отвечает на вопрос и продолжает размышлять о случившемся, подчеркивая тем самым свое неуважение к жене Дымова. Во второй части реплики Коростелева ответ косвенно есть («У него настоящий дифтерит?» – «высасывал дифтеритные палочки»).

Рассказ А.П. Чехова «Беззащитное существо» строится как диалог просительницы Щукиной с разными сотрудниками банка. Просьба ее заключается в выплате ей жалованья мужа, уволенного не из банка, а из другого учреждения. Второй собеседник Щукиной, сотрудник банка Кистунов, пытается объяснить ей абсурдность ее просьбы. Раздосадованный непонятливостью Щукиной, Кистунов привлекает других сотрудников, но сам периодически возобновляет диалог с ней. В конце рассказа Кистунов вновь реагирует на реплику Щукиной.

– Ваше превосходительство! – бросилась к Кистунову Щукина. – Вот этот, вот самый... вот этот (она указала на Алексея Николаевича) постучал себе пальцем по лбу, а потом по столу... Вы велели ему мое дело разобрать, а он насмеяется! Я женщина слабая, беззащитная... Мой муж коллежский асессор, и сама я майорская дочь!

– Хорошо, сударыня, – простонал Кистунов, – *я разберу... приму меры... Уходите... после!..*

Беззащитное существо, т. 6, с. 90 – 91

В последней части реплики Кистунова на горизонтальном уровне развития реплики наблюдается соположение единиц, т.е. связь смысловых частей не оформлена грамматически, что является одним из законов построения разговорной речи [Русская разговорная речь, с. 380]. Отражение указанной особенности разговорной речи – относительно редкое явление в диалогах прозы А.П. Чехова. В данном случае оно подчеркивает внутреннее эмоциональное состояние персонажа. Не сумев убедить Щукину, Кистунов отдает ей деньги из своего бумажника.

Щукина завернула в платочек деньги, спрятала и, сморщив лицо в сладкую, деликатную, даже кокетливую улыбочку, спросила:

– Ваше превосходительство, а нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

– *Я уеду... болен...* – сказал Кистунов томным голосом. – У меня страшное сердцебиение.

Беззащитное существо, т. 6, с. 91

Это последний фрагмент диалога Кистунова со Щукиной. Кистунов слышит вопрос собеседницы, но читателю в виде реплики-реакции А.П. Чехов представляет, видимо, внутренние мысли персонажа, отражающие его физическое и психологическое состояние. Появление

такой реакции связано с репликой-стимулом, но не является прямым ответом на вопрос.

Смысловая непоследовательность, «рассогласованность» реплик на вертикальном и горизонтальном уровнях развития диалога – один из приемов прямой формы изображения психологического состояния персонажа в прозе А.П. Чехова.

Литература

Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998.

Есин А.Б. Психологизм // Введение в литературоведение. М., 1999.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

Русская разговорная речь. М., 1973.

Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве. Саратов, 1973. Ч.1.

Чехов А.П. Полн. собр. соч.и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1974 – 1984. Все примеры приводятся по этому изданию.